

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Штаны-самосбросы, простыни, ласты

Что определяет сегодня успех или неуспех премьер, обсуждали критики в Самаре

Сцена из спектакля "Ladies' night"

Самара, конечно, город контрастов. Как, впрочем, и большинство городов российской провинции. Недалеко от набережной, у подножья холма, на котором стоит Академический театр драмы имени Горького, тесно соседствуют государственные мощности ГРЭС, знаменитый пивзавод "Жигули" и женский православный монастырь. На соседней улице обитатели вросших в землю деревянных домов (в таком полу-подвале мог бы жить булгаковский Мастер) скальвают лед с тротуара под жизнерадостной рекламной растяжкой салона итальянской мебели. На углу — модный бутик "Рим". На kiosке с "буржуазной" надписью "Сигары" — размешистое гаджетно-сигаретный город переживает как со своим средним классом — уточняет, насмехиваясь, ставит на место.

Наше знакомство с театральной Самарой состоялось благодаря очередному семинару театральных критиков России под руководством В.Я.Калича. Подобные творческие лаборатории в разных городах страны регулярно проводят кабинет критики Союза театральных деятелей России. Семинары эти носят концептуальный характер — местом их проведения выбирается либо центры традиционной театральной культуры, либо города, отмеченные яркими театральными экспериментами и наличием авторской режиссуры. Критики таким образом знакомятся с различными моделями и путями развития современного театра и возвращаются в собственные города, обогащенные новыми знаниями и впечатлениями. Впечатления же бывают очень пестрые и неоднозначные.

Для того чтобы понять социальный контекст самарского театра,

пожалуй, стоит походить по улицам. Побеседовать со случайными прохожими, услышать, что многие предприятия самарского ВПК "лежат на боку", но в городе немало богатых людей, которые в одну ночь могут спустить в казино 50 тысяч баксов. Ну этим нас как раз не удивишь, у нас у самих так.

Но, кроме казино, богатая Самара ходит в театр! Площадь перед Академической драмой заставлена иномарками, а спектакль "Ladies' night" (можно перевести как "Дамская ночь", "Ночь для леди" в российском прокате пьеса еще известна как "Мужской стриптиз") с билетами по 250 рублей вот уже полтора года идет с неизменным аншлагом. Постанови "Ladies' night" в Самаре итальянец Паоло Эмилио Ланди.

О социальной составляющей этого театрального проекта участники семинара рассказали еще накануне спектакля. Информация была очень позитивная. За то, что актеры приходят в спектакле обнаженными, они получают солидную прибавку к зарплате. А экономический эффект от постановки в целом позволил даже купить некоторым из них квартиры.

В интерьере ночного клуба

В первый же театральный вечер коллеги из Екатеринбурга дернула меня за рукав: "Удивити меня, если я в театре!" Действительно, начинается этот самый популярный на сегодня в Самаре спектакль, как шоу в ночном клубе. Врезанный в зал помост, забойная музыка, световые синкопы, ведущая в кожаных шортиках, которая должна непременно "завести" публику, появля-

ние тренированных и незакомлексованных мальчиков. К шоу претензий вообще нет — оно поставлено по законам жанра, профессионально, агрессивно и современно. Публика взята сразу и бесповоротно — она и предположить не могла, что "у нас" тоже так умеют!

Собственно, на этом нехитром театре и строится сюжет комедии Жака Коллара, имеющей подзаголовок "Только для женщин". Впервые подзаголовку спектакль "Ladies' night" — типично мужская история, про мужскую солидарность и взаимовыручку, про предательство и верность своим идеалам. В прежние времена такая история произошла по разряду "фильмы про войну". Для мальчиков, герои пьесы и есть не повзрослевшие мальчики. Они не пробрили в "ягли" но давно переросли комсомольско-хипповую юность. Их обогнали собственные предпринимательские жены, ставшие владелицами клубов, зайчиками торговых фирм. Их снова настала война, теперь экономическая — все шесть персонажей пьесы лишились работы. К тому же фамилии — Луцески, Букатински — свидетельствуют об их эмигрантском для Америки происхождении. Симметричный ответ прокламату капитализма греки дают с окраины Бруклина с территории того самого сталелитейного завода, который турнул их за прошедую. В одной из подробок они начинают ретейловать мужские стрип-шоу, чтобы выкачать себе и миру, что они еще парни ого-то. Все это вместе взятое не может не резонировать в отзывчивой российской душе. И хотя коллеги со мной не согласились по поводу театральной оценки эффекта "Ladies' night", сказав, что вряд ли в

партере сидят потерявшие работу самарские сталевары, мне кажется, успех спектакля не в последней очереди определяется именно этим. Недаром в городе говорят о том, что публика жалеет "наших мужиков" (славянские фамилии тут очень кстати). Момент идентификации зрителей с героями спектакля позволяет самарскому социуму пережить современную социальную драму (не жанр, а событие) с безопасного расстояния — из партера театра. На протяжении всего действия сохраняется главная интрига, достаточно простая, но в данном контексте вырастающая до символа: пойдут ли мужики до конца, дадут ли обещанный "полный сервис" или сойдут с дистанции, оставшись в плену семейных трусов и старомодной морали? Видели бы вы, какой взрыв патриотизма сопровождает финал спектакля. Наши — смогут! Наши — все! Смогут! Что-то в этом роде скандирует высаживая в первые ряды партера женская группа поддержки, зал ревет, в разных местах вскакивают экзальтированные зрителины, аплодисменты — лавиной, обшеив ликование.

Тут я готова дернуть коллегу за рукав: "В театре ль мы?" Потому что на пересечении замысла и воплощения высвобождаются контурные проблемы, не имеющие специфической самарской прописки, хотя и явленной этим городом во всей полноте.

Разбирая то, как это сделано, мы все время наталкивались на не использованные режиссером возможности. Намек на внятную театральную форму мелкнул только однажды.

Актеры, дезориентированные по части жанра, в промужатке между хохмами ведут надрынные диалоги на полном серьезе, не оставляя ни малейшего зорера между собой и своими героями: "Раздевайтесь или не раздевайтесь?" Вот же Шенстрит и Достоевский в одном флаконе! Если к этому добавить еще пластические игры с морской в трусех, сами понимаете, что получается.

Но нам в Самаре, безусловно, повезло. Нам показали все самое лучшее. В том числе и еще один совсем свежий спектакль Паоло Ланди — "Танцевальный марафон". Помните знаменитый фильм "Занятных пошлей пристрастиями, не правда ли?" Сменив эмоциональное название романа Хоруса Маклоя на нейтральное, итальянский режиссер там не менее не отказался от своей излюбленной "социалки". Сценические приемы — те же, что и в "Ladies' night", выдвинутый к зрителю танцевально-стриптизский помост, композиционный принцип — рево, переживающее танцевальные номера с довольно пренебрежными разговорными дозами перевода с английского и инсценировка. Как и в случае с "Ladies' night", Паоло Ланди и Дмитрий Лебедев.

Самарские газеты после первых показов "Марафона" успели удивиться, что ж такой скучный получился спектакль? Не пойму, на что

сетуют коллеги. Любимый ими "Ladies' night" и новый спектакль Ланди — близнецы-братья. Только "Танцевальный марафон" лишен лиричной интриги, и в нем не за чем в принципе следить. Положение не спасают ни обаяние актера Владимира Борисова, играющего распорядителя и злого тения марафона Роки Граво, ни искренность Алексея Фокина — Роберта, ни напряженный драматизм в игре Анастасии Светловой — Глории. Банальность режиссерского мышления особенно очевидна в сцене смерти Глории. Игрушечный выстрел из ирландского пистолета — плоская иллюстрация текста: жезл, картон, клюквенный сок... Спектакль кажется безнадежно устаревшим уже в момент появления на сцене. Поэтому что тема не актуальна. Потому что не найдена форма, жанр. Нет театра — есть актерская самодеятельность.

Show must go on?

Спектакли художественного руководителя Самарского театра драмы Вячеслава Гвоздкова в отсутствии режиссуры, конечно, не упрекать. Взяв бесприморно-смешную, развлекательную комедию Рая Куни "№13" (столица уже сняла с нее пенки, провинция еще осчастливлена не вся!), Гвоздков осознанно переводит действие в плоскость грубого фарса. Приключенца английского депутата в злогопучном гостиничном номере 13 и бесконечные манипуляции с застрявшим в окне телом разыгрываются самарцами бисталетно и содержит, кроме всего прочего, массу улекательных параллелей. Недаром одна из зрительниц сказала: "Вот что нами рулит!" Действительно, Владимир Борисов создает образ политика-шоумена, который сразу невыгодную ситуацию умело использует на благо собственного имиджа. Вообще выводу из ситуации с №13 ловно выживают все: и кошечка секретарша-любовница (Нина Лопкина), и записанный секретарь депутата Пигден (Владимир Иальченко), и, уж конечно, уваленя Официант — блестящая и ироничная работа Александра Амелина. За все самое лучшее, что вводит скучные диалоги в "Ladies' night" и "Танцевальный марафон", проданно чувствуют жанр, предложенный режиссером, играют размашисто на укрупнение, смакуя стощные пластические рефрены и стоп-кадры, которые становятся фирменным обрамлением спектакля. Даже обделенный тремя четверти сценического времени его таскают в качестве бездыханного Тела так выразительен в своей безмысленной пластичности, что омирение не охватывает: перед нами превосходный комедийный актер с большим потенциалом. Если вас не интересует никакие политические аллюзии, то вы просто наслаждаетесь ансамблевой игрой... до тех пор, пока в поле зрения не возникнут штаны-самосбросы. Термин этот мне подарил уж в Нижнем друзья-спортсмены, я же

предлагаю ввести его в театроведческий оборот. Виртуозное владение техникой обрасывания штанов на боковых и горизонтальных "молниях", насколько я поняла, нынче рассматривается в качестве предпосылки успеха или неуспеха спектакля. Вячеславу Гвоздкову показало мало смешных положений пьесы, и потому пошловачный цех получил задание. В результате мы насчитали целых три кульминационных момента, никак не связанных с ходом действия, когда зал ну просто взрывается аплодисментами. Что ж, Самара идет до конца.

При этом самарская публика актеров своих обожает! Недавнее празднование 40-летия Александра Амелина вылилось в городское торжество, вызвало всплеск творчества среди медийщиков и банковских элиты, знающей актера и почитающей за честь дружить с ним. Об этом не без гордости рассказывают местные театралы. Но тогда почему же так невысоко ставят свою преданную публику театр? Неужели для обретения общего языка и симпатий зрителя нужно было завершать номер со штанами в как можно большем количестве спектаклей?

Главный

не должен сомневаться

Пару лет назад Вячеслава Гвоздков на страницах журнала "Стрельцовый бульвар, 10" признавался в мучивших его сомнениях: что ставить, как? В репертуаре театра были "Униженные и оскорбленные" Достоевского, "Король, дама, валет" Набокова, "Розенкранц и Гильденстерн мертвы" Стоппарда. Но публика на них не лопмалась. "Я сомневаюсь, есть сомневаюсь" — проговорил режиссер. Сегодня, кажется, с сомнениями покончено, и художественный руководитель знает, куда он ведет своих актеров и зрителей.

Правда, есть еще "СамАрт" — театр, создающий в городе конкурентную среду и притягивающий к себе всеобщие взгляды. Но могу понять и горечь самарского театроведа Эдита Финк, которая считает, что нельзя Академической драме ставить диагноз "мертвый театр" и решать театральную ситуацию иначе как путышно с одиозным коллегой "СамАрта" Костяги, и у драматурга "СамАрта" тоже, похоже, поднакопилось проблем. Мы не увидели легендарного спектакля "Мамаша Куржак" который многие называют выходящим. Но посмотрели "Стрелки по Бумбарашу" того же Адольфа Шапиро. Морально он не только не устарел — наоборот, стал еще прочтительнее. Спектакль идет все лет, и новое поколение юных зрителей включается в игру, предположив театром, и снова, как семь лет назад, молодой зритель несет свернутому шмелю в одного висящего берега на другой, невольно становясь парламентарием и прощая сквозь время. И потрясающая работает найденная режиссером метафора звучащая разноголосой вселенной, буквально окружающей зрителя со всех сторон:

в театре построен зал-трансформер, и актеры тут появляются на помосте над головами публики, за спиной, впереди на уровне глаз. И возникает ощущение личной втянутости в эту висящую простую человеческую воронку. И горло перекачивается в финале, где над телом убитой Варьки одну и ту же грустную песню поют, незаметно подхватывая слова и строчки, и белые, и красные, и всякие зеленые... Все это так. Но тем грустнее оттого, что дает себя знать физическая изношенность спектакля: декорации "звенят" текхическими шумами, у многих актеров стертые голоса и скорговорка... Но кто-то ведь должен следить за этим, слышать этот зов! Дистанционное художественное руководство, как в случае с Адольфом Шапиро в "СамАрте", — тоже проблема. И тоже не специфически самарская. Завтра то же может начаться в нижегородской "Комедии" у Валерия Белокорыца. А в Новосибирске, говорят, вообще большая часть театров имеет иностранных художков, бывающих в театре наездами. Эта черта сегодняшнего театрального процесса тоже стала предметом обсуждения в ходе самарского критического семинара.

Возвращаясь же к "главному" театру Самары, нельзя не сказать и еще об одном опасном смещении. Первой обратила на него внимание московский критик Наталья Старосельская. Безопасные игры со зрительями в "Ladies' night". Актеры, сидящие в зале, накручивают публику: "Давай, давай, давай!" Вопли, свист, мелькающий свет, вскакивающие люди. Публика мгновенно сплетается в радостно-агрессивную толпу. Театр превращает зал в толпу! Хотя театр в принципе должен превращать толпу в личности. В этой толпе возможно все. Как в толпе фанатов после футбольного матча или боев бев правил. Не дура, что этот эффект планировался театром — театр просто радовался аплодисментам. Но еще более разрушительные вибрации ощущаются в премьерном спектакле "Танцевальный марафон". Мизансцены выстроены так, что зрительный зал и сцена воспринимаются как единое пространство. Театр, отходящая зрительный зал с публичной безвременною марафона, насыло на репликам нам эту роль. Судя по наблюдениям в фойе и гардеробе, не все зрители согласны ее играть. Не оттого ли и новый спектакль воспринят более прокладно? Действие не просто скучно, как писали рецензенты, оно вызывает протест.

Театральная Самара задала вопросы, которые сегодня более чем актуальны для театрального процесса в целом: об отношениях с публикой, о трансформациях режиссерского театра, о новой системе художественного руководства. О цене успеха, наконец.